

С. Г. Александров¹

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ: ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ВОЕННАЯ ПОДГОТОВКА

В преддверии юбилея М. Ю. Лермонтова возрос интерес научной общественности к различным сторонам его жизни, деятельности, творческого наследия. Физическое воспитание поэта в семье, его военно-физическая подготовка в учебных заведениях, а также боевое совершенствование в ходе военных действий стали объектом настоящего исследования. Воспоминания современников поэта значимы для объективного изучения данного вопроса.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, мемуары современников, физическая культура, военная подготовка, физические качества, внешние данные, кулачные бои, игры, верховая езда, скачки, джигитовка, фехтование, танцы, охота, минеральные воды, санаторно-курортное лечение.

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..*

М. Ю. Лермонтов «Бородино»

В преддверии празднования 200-летия со дня рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, в рамках изучения и популяризации его наследия, актуальным выступает изучение роли физической культуры в жизни и творчестве поэта, становлении его личности. Вместе с тем, до настоящего времени данная научная проблема не стала объектом историко-педагогических исследований.

Огромную информационную базу для исследования указанного направления предоставляют мемуары современников М. Ю. Лермонтова, его родственников и сослуживцев, обще-

¹ АЛЕКСАНДРОВ Спартак Геннадьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и физической культуры Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Краснодар, Россия. Электронный адрес: spartak-2010@mail.ru.

ственно-политических деятелей и военачальников, историков, этнографов и литераторов.

По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, троюродного брата и одного из самых близких друзей М. Ю. Лермонтова, подолгу жившего с ним в «родовом гнезде» поэта в селе Тарханы, а также в Москве и Петербурге, «...на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снежными комьями; на плотине с сердечным замиранием смотрели, как православный люд, стена на стену (тогда еще не было запрету), сходился на кулачки (кулачные бои. – С. А.). В домашней жизни своей Лермонтов был почти всегда весел, ровного характера, <...> играли мы часто в военную игру, для которой у меня всегда было в готовности несколько планов» [10, с. 36].

О детских развлечениях Лермонтова в родовом селе Тарханы повествует один из ключевых исследователей его жизни и творчества П. А. Висковатов: «Зимой устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворян, собравшись, потешала его» [5, с. 41–42].

Внешние физические данные поэта А. П. Шан-Гирей охарактеризовал так: «Он сформировался физически; был мал ростом, но стал шире в плечах и плотнее...» [10, с. 38].

П. К. Шугаев, пензенский помещик, владевший имением в Чембаре, центральном населенном пункте рядом с селом Тарханы, изучал историко-литературное прошлое родного края, записывая рассказы современников Лермонтова. В Чембарском уезде он собирал интересные факты из жизни поэта, в особенности в его подростковый период: «Когда Мишеньке стало около семи-восьми лет, то бабушка окружила его деревенскими мальчишками его возраста, одетыми в военное платье; с ними он и забавлялся, имея нечто вроде потешного полка, как у Петра Великого во времена его детства. Михаил Юрьевич любил устраивать кулачные бои между мальчишек села Тархан и победителей, нередко с разбитыми до крови носами, всегда щедро оделял сладкими пряниками, что главным образом и послужило темой для “Песни про купца Калашникова”. Сельская площадь все в том же виде, на которой в праздничные дни Михаил Юрьевич ставил бочку с водкой, и крестьяне села Тархан разделялись на две половины, наподобие двух враждебных армий, дрались на кулачки, стена на

стену, а в это время, как современники передают, “и у Михаила Юрьевича рубашка тряслась”, и он был не прочь принять участие в этой свалке, но дворянское звание и правила приличий только от этого его удерживали; победители пили водку из этой бочки; побежденные же расходились по домам, и Михаил Юрьевич при этом всегда от души хохотал» [10, с. 63].

О выраженном интересе Лермонтова к кулачному бою, в последствии отраженном в его «Песне про купца Калашникова», упоминает дореволюционный исследователь жизни и творчества поэта П. Давидовский [6, с. 433; 13, с. 33].

Примечательно, что родной дед М. Ю. Лермонтова по материнской линии пензенский помещик А. Е. Столыпин, представитель старинного дворянского рода, являлся знатоком и ценителем русского кулачного боя. По свидетельству современников, он «...с молодых лет бывал задирой, забиякой. Любитель псовой охоты, мастер кулачного боя, ведавший приемы кулачных бойцов, как ударить к месту (значит – по артерной жиле на шее), под микитки (в левый бок к груди, близ сердца), земляных послушать часов (удар по виску), рожество накрасить (разбить скулы, подбить глаза), красного петуха (своротить нос)» [4, с. 2–3].

В написанной в 1837 году в народном стиле поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтовым достаточно точно раскрыты условия организации и проведения русского кулачного боя:

*Уж как завтра будет кулачный бой
На Москва-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил...
Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.*

Лермонтов здесь указывает на бытовавшую традицию проводить кулачный бой преимущественно в зимнее время на льду, в период календарных религиозных праздников.

*И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотницкого бою, одиночного.*

Описывая организацию кулачного боя, поэт конкретизирует его частные правила – границы для поединка и индивидуальный характер единоборства.

*И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершиися в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали.*

В этом отрывке поэмы Лермонтов описывает приготовления к кулачному поединку – снятие верхней одежды для удобства ударов руками; при этом кулачный боец не снимал меховую шапку для смягчения ударов по голове. Приводится и традиция вызова, «закликанья» соперника.

*И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозвищу Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквям,
А потом всему народу русскому,
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могучие плечи распрямливает.*

Строфа «Боевые рукавицы натягивает...» – указание поэта на бытовавшее правило надевать перед боем специальные зимние рукавицы для защиты кистей рук от повреждений.

*Вот молча оба расходятся, –
 Богатырский бой начинается.
 Размахнулся тогда Кирибеевич
 И ударил в первой купца Калашникова,
 И ударил его посередь груди –
 Затрещала грудь молодецкая...*

Здесь Лермонтов описывает правила начала кулачного боя (увеличение дистанции между соперниками перед физическим контактом) и пример прямого удара («в душу»).

Далее гиперболизировано описывается сила удара бойца:

*Пошатнулся Степан Парамонович;
 На груди его широкой висел медный крест
 Со святыми мощами из Киева, –
 И погнулся крест и вдавился в грудь;
 Как роса из-под него кровь закапала.*

Завершивший поединок смертельный удар кулачного бойца описан в следующем отрывке поэмы:

*Изловчился он, изготовился,
 Собрался со всею силою
 И ударил своего ненавистника
 Прямо в левый висок со всего плеча.
 И опричник молодой застонал слегка,
 Закачался, упал замертво [12].*

Выдающийся российский критик и общественный деятель В. Г. Белинский первым опубликовал печатные отзывы о произведениях Лермонтова: «Если это первый опыт молодого поэта, – писал он о «Песне... про купца Калашникова», – то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование» [3]. Характеризуя личность поэта, критик не скупился на эпитеты – «Львиная натура! Страшный и могучий дух!» [1, с. 166–168].

А. Н. Корсаков, отставной военный, автор статей в российских исторических журналах второй половины XIX века, познакомившись с двоюродным братом поэта, М. А. Пожогин-

ным-Отрошкевичем, описал сведения о жизни и характере М. Ю. Лермонтова. «В свободные от уроков часы дети проводили время в играх, между которыми Лермонтову особенно нравились будто бы те, которые имели военный характер. Так, в саду у них было устроено что-то вроде батареи, на которую они бросались с жаром, воображая, что нападают на неприятеля. Охота с ружьем, верховая езда на маленькой лошадке с черкесским седлом, сделанным вроде кресла, и гимнастика были также любимыми упражнениями Лермонтова» [10, с. 70].

Воспоминания М. Е. Меликова, поступившего в Академию художеств и обучавшегося в Москве одновременно с М. Ю. Лермонтовым, свидетельствуют: «В личных воспоминаниях моих маленький Миша Лермонтов рисуется не иначе как с нагайкой в руке, властным руководителем наших забав» [10, с. 74].

А. З. Зиновьев, преподаватель русского и латинского языков в Московском университетском благородном пансионе в 20–30-х годах XIX века, автор трудов по педагогике и теории словесности, подготовил М. Ю. Лермонтова к поступлению в 4-й класс пансиона, в дальнейшем продолжив его обучение. «Бывши... в очень близких отношениях к Лермонтову, считаю обязанностью сообщить о ... раннем развитии его самостоятельного и твердого характера. Он... любил фехтованье, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых летах» [10, с. 78].

А. Ф. Тиран обучался с М. Ю. Лермонтовым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и одновременно с ним был направлен в лейб-гвардейский Гусарский полк. Летом 1841 года, находясь в Пятигорске, он ближе познакомился с поэтом: «Лермонтов... очень плечист, глаза живые, с огнем, выразительные. Ездил он верхом отлично» [10, с. 150].

А. М. Меринский, поступив в Школу подпрапорщиков и юнкеров в 1833 году, и в дальнейшем проходя службу в лейб-гвардейском полку, некоторое время обучался и служил с поэтом в непосредственной близости.

Его наблюдения нашли отражение в мемуарном произведении «Воспоминание о Лермонтове», опубликованном в 1858 году. «Постараюсь передать немного, что помню из юнкерской жизни Лермонтова, с которым я в одно время находил-

ся в Школе... Лермонтов был довольно силен, в особенности имел большую силу в руках, и любил состязаться в том с юнкером Карачинским, который известен был по всей школе как замечательный силач – он гнул шомполы и делал узлы, как из веревок. Много пришлось за испорченные шомполы гусарских карабинов переплатить ему денег унтер-офицерам, которым поручено было сбережение казенного оружия. Однажды оба они в зале забавлялись подобными *tours de force* (проявлениями силы (фр.)). Вдруг вошел туда директор школы, генерал Шлиппенбах. Каково было его удивление, когда он увидел подобные занятия юнкеров. Разгорячась, он начал делать им замечания: “Ну, не стыдно ли вам так ребячиться! Дети, что ли, вы, чтобы так шалить!.. Ступайте под арест”. После того Лермонтов презабавно рассказывал нам про выговор, полученный им и Карачинским. “Хороши дети, – повторял он, – которые могут из железных шомполов вязать узлы”, – и при этом от души заливался громким хохотом.

В занятиях по фрунтовой части и манежной езде... так прошли незаметно для Лермонтова два года в юнкерской школе. Сильный душой, он был силен и физически и часто любил выказывать свою силу. Раз после езды в манеже, будучи еще, по школьному выражению, новичком, подстрекаемый старыми юнкерами, он, чтоб показать свое знание в езде, силу и смелость, сел на молодую лошадь, еще не выезженную....» [10, с. 167–168].

Д. А. Столыпин, младший брат А. А. Столыпина (Монго), встречался с Лермонтовым в Царском Селе до первой ссылки поэта, затем уже офицером лейб-гвардейского Конного полка перед второй его ссылкой. «Лермонтов жил с товарищами вообще дружно, и офицеры любили его за высоко ценившуюся тогда «гусарскую удаль». Лошадей Лермонтов любил хороших и ввиду частых поездок в Петербург держал верховых и выездных. Его конь Парадер считался одним из лучших...». О способностях М. Ю. Лермонтова в верховой езде Д. А. Столыпин отзывался так: «Во время известной поездки Лермонтова с А. А. Столыпиным на дачу балерины Пименовой, вдали показался возвращающийся из Петергофа в Петербург в коляске четверкою великий князь Михаил Павлович. Ехать ему навстречу значило бы сидеть на гауптвахте, так как они

уехали из полка без спросу. Не долго думая, они повернули назад и помчались по дороге в Петербург, впереди великого князя. Как ни хороша была четверка великокняжеских коней, друзья ускакали и рано утром вернулись к полку благополучно... прямо с дороги отправились на ученье. Гроза миновала благодаря резвости гусарских скакунов» [10, с. 200–201].

В записках «Лермонтов в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку» А. И. Арнольди, российский офицер, композитор и музыковед, возвращавшийся в среде петербургской интеллигенции, описывает быт и нравы, царившие в «сумасшедшем доме», флигеле холостых гусар, где проживал и Лермонтов: «В одних помещениях беспрестанно раздавались звуки или гитары, или фортепьяно или слышались целые хоры офицерских голосов, в других – гремели пушечные выстрелы упражняющихся в этом искусстве, вой и писк дрессируемых собак, которые у нас в полку никогда не переводились, так как было много хороших охотников. Во всякий час дня, у каждой двери квартиры вы всегда могли встретить... охотника, пришедшего оповестить о найденном им медведе на берлоге или обойденных им лосях» [2, с. 137–138]. Встречу с поэтом автор записок вспоминает так: «В тридцать восьмом или тридцать девятом году (в 1838 или 1839 году. – С. А.) в первый раз увидел и познакомился с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, когда он был переведен с Кавказа в наш полк. Впоследствии мы жили с Лермонтовым в двух смежных комнатах, ...с ним коротко сошлись» [2, с. 215–216].

В записках описаны приемы военного обучения гусар верховой езде: «...я горячо принялся за службу, выучился тридцати двум или тридцати шести кавалерийским сигналам у полкового штаб-трубача, понял механизм поворотов и заездов строя и ежедневно... ездил верхом под руководством полкового командира, вскоре перешел в общую офицерскую смену, которые по субботам обыкновенно съезжались в великолепном огромном нашем манеже. Служба шла своим чередом, офицерская езда производилась новичкам ежедневно, а всем офицерам – два раза в неделю, караулы отбывались. Пешие, по конному, учения повторялись на неделе очень часто; все офицеры обязаны были присутствовать на езде своих эскадронов, производившейся через день, равно и при пешем ученье» [10, с. 262].

В 1841 году А. И. Арнольди встречался с поэтом в Пятигорске, популярном санаторно-курортном городе того времени, находясь на излечении: «В то время Пятигорские минеральные воды усердно посещались русскими, а сезон был одним из самых блестящих, и, сколько мне помнится, говорили, съехалось до 1500 семейств. Доктора... успешно занимались практикою, и я видел в Пятигорске многих людей, по-видимому, неизлечимых, которые в конце курса покидали целительные воды совершенно здоровыми» [10, с. 271].

Р. И. Дорохов, офицер, герой кавказской войны, получивший скандальную репутацию многочисленными дуэлями, познакомившись с поэтом на театре военных действий в Чечне в отряде А. В. Галафеева в 1840 году, дает М. Ю. Лермонтову такую характеристику: «В последнюю экспедицию я командовал летучею сотнею казаков; по силе моих ран я сдал моих удалых налетов Лермонтову. Славный малый – честная, прямая душа... Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Жаль, очень жаль Лермонтова, он пылок и храбр, – не сносить ему головы» [7]. Об этом отряде М. Ю. Лермонтов писал: «...я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков – это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но так как, вероятно, мы будем еще воевать целую зиму, то я успею их раскусить» [11, с. 423].

К. Х. Мамацев (Мамацашвили), кадровый офицер, обучавшийся в Павловском кадетском корпусе, с 1840 года также проходил службу совместно с Лермонтовым в чеченском отряде генерала А. В. Галафеева [9, с. 83]. Он дает следующую характеристику профессиональных военных способностей поэта: «Он был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов, <...> вся молодежь лучших фамилий служила в гвардии. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появлялась там, где ей вздумается, в бою она искала самых опасных мест, – и ... находила их чаще всего у орудий Мамацева» [15].

Записи воспоминаний деятеля грузинской культуры изобилуют примерами воинской доблести, проявляемой

М. Ю. Лермонтовым в боевых условиях: «Выйдя из леса и увидев огромный завал, Мамацев с своими орудиями быстро обогнул его с фланга и принялся засыпать гранатами. Возле него не было никакого прикрытия. Оглядевшись, он увидел, однако, Лермонтова, который, заметив опасное положение артиллерии, подоспел к нему с своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами. Этот момент хорошо врезался в память Константина Христофоровича. После двухчасовой страшной резни грудь с грудью неприятель бежал» [18].

В июле 1840 года произошло масштабное сражение с вражескими отрядами на реке Валерик. В донесении генерала Галафеева сообщалось: «Успеху сего дела я обязан... также поручику Лермонтову. Офицер этот... с отменным мужеством, хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельский завал» [20].

За личное мужество и героизм, проявленные М. Ю. Лермонтовым в ходе боевых операций, он неоднократно представлялся к награждению высокими государственными наградами – ордену Св. Владимира 4-й степени, ордену Св. Станислава 3-й степени, золотой сабле с гравировкой «За храбрость». Однако негативное отношение к поэту со стороны высших придворных чиновников и лично Николая I препятствовали официальному подтверждению его военных заслуг.

Фридрих Боденштедт, являясь значимым немецким писателем и поэтом, современником М. Ю. Лермонтова, осуществил перевод его многочисленных литературных произведений на немецкий язык. В 1841 году в Москве он знакомится с поэтом, будучи учителем немецкого языка в доме князя М. Н. Голицына. Первое впечатление от знакомства с Лермонтовым Ф. Боденштедт описал так: «У вошедшего была гордая, непринужденная осанка, средний рост и необычайная гибкость движений. Вынимая при входе носовой платок, он выронил на паркет бумажник и при этом нагнулся с такой ловкостью, как будто он был вовсе без костей, хотя, судя по плечам и груди, у него должны были быть довольно широкие кости» [17, с. 319]. Отметил Боденштедт непомерную энергию, и активность поэта, и, к сожалению, его фатализм: «Во всяком случае, он мало дорожил той жизнью, какую должен был вести

в России, и поэтому он охотно ставил жизнь на карту не только в сражениях против много раз воспетых им горцев, но и при всех случаях, которые его волновали» [19, с. 391].

В. И. Чиляев, боевой офицер, воевавший под командованием А. П. Ермолова, служил в Пятигорской военной комендатуре, где встретил Лермонтова, став для него интересным собеседником. Наблюдая за уже состоявшимся и признанным поэтом, Чиляев отмечает его страсть к лошадям и джигитовке: «Лошади у него были свои; одну черкесскую он купил по приезду в Пятигорск. Верхом ездил часто, в особенности любил скакать во весь карьер. Джигитуя перед домом Верзилиных, он до того задерживал своего черкеса, что тот буквально ходил на задних ногах. Барышни приходили в ужас, и было от чего, конь мог ринуться назад и придавить всадника» [16, с. 39].

Небезынтересны и воспоминания Н. С. Мартынова, сыгравшего роковую роль в судьбе поэта. С Мартыновым Лермонтов обучался в юнкерской школе: «Как я уже говорил, он был ловок в физических упражнениях, крепко сидел на лошади... К числу физических упражнений следует отнести маршировку, танцы и фехтование. По пятницам у нас учили фехтованию; класс этот был обязательным для всех юнкеров, и оставлялось на выбор каждому рапира или эскадрон. В числе моих товарищей только двое умели и любили, так же как я, это занятие: то были гродненский гусар Моллер и Лермонтов. В каждую пятницу мы сходились на ратоборство, и эти полутеатральные представления привлекали много публики из товарищей, потому что борьба на эскадронах всегда оживленнее, красивее и занимательнее неприметных для глаз эволюций рапиры... Танцевал он (Лермонтов. – С. А.) ловко и хорошо. Умственное развитие его было настолько выше других товарищей, что и параллели между ними провести невозможно» [10, с. 492].

М. Ю. Лермонтов очень любил верховую езду, скачки и джигитовку. Об имевшихся у него лошадях он писал своей бабушке Е. А. Арсеньевой в 1836 году: «Лошади мои вышли, башкирки, так сносны, что чудо, до Петербурга скачу – а приеду, они и не вспотели; особенно одной все любят, – она так выправились, что ожидать нельзя было». И в следующем письме: «Я на днях купил лошадь у генерала и прошу вас,

если есть деньги, прислать мне 1580 рублей; лошадь славная и стоит больше, – а цена эта не велика» [10, с. 375].

П. И. Магденко, полтавский помещик, случайный попутчик Лермонтова в поездке, вспоминал: «Он был среднего роста, с симпатичными чертами, широкоплечий, с широкими скулами, вообще с широкою костью всего остова, словом, то, что называется “сбитый человек”. Такие люди бывают одарены более или менее почтенною физическою силой... Лошади были поданы. Я пригласил спутников в свою коляску. Между прочим, он указывал нам на озеро, кругом которого джигитовал, а трое черкес гонялись за ним, но он ускользнул от них на лихом своем карабахском коне» [14].

Записывавший воспоминания сослуживцев поэта, военный историк, ротмистр лейб-гвардейского Гродненского гусарского полка Ю. Л. Елец в мемуарах отмечал: «В служебном отношении поэт был всегда исправен, а ездил настолько хорошо, что еще в школе назначался на ординарцы. Недостатки его фигуры совсем исчезали на коне» [8, с. 207].

Л. В. Россильон, подполковник гвардейского Генерального штаба и квартирмейстер 20-й пехотной дивизии, в 1840 году участвовал в военной экспедиции на Кавказ и часто встречался с поэтом, охарактеризовав его боевой отряд так: «Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем “Лермонтовского отряда”. Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на завалы. Чистое молодечество!» [5, с. 304]. Вместе с тем, Россильона возмущало отсутствие у поэта чинопочитания и полное презрение к комфорту и честолюбию: «Он ел из одного котла со своею командой, спал на голой земле» [5, с. 305]. Лермонтов подчеркивал нежелание пользоваться привилегиями. У него сложились доброжелательные и неформальные взаимоотношения с подчиненными, полное взаимопонимание с ними.

Н. И. Лорер, ссыльный декабрист, переведенный из Сибири рядовым Тенгинского пехотного полка на Кавказ, за боевые заслуги в 1840 году был произведен в прапорщики. В этот период в Пятигорске произошло его знакомство с М. Ю. Лермонтовым. Его воспоминания изобилуют информа-

цией о значении Пятигорска как санаторно-курортного центра юга России. Достоверно не установлено позитивное влияние климата и «лечебных вод» на состояние здоровья поэта, неоднократно находившегося в Пятигорске и Железноводске на лечении, в том числе и в детском возрасте. Вместе с тем, в контексте обозначенной темы, наблюдения Лорера небезынтересны: «При захождении солнца я приехал в Пятигорск. Устроившись немного, я начал приискивать себе доктора, чтобы, посоветовавшись с ним, начать пить какие-нибудь воды; мой доктор... беспрестанно заставлял меня пробовать разные воды. Я не берусь его (Пятигорск. – С. А.) описывать и чувствую, что перо мое слабо для воспроизведения всех красот природы. Скажу только, что в то время съезды на Кавказские воды были многочисленны. Со всех концов огромной России собираются больные к источникам в надежде – и большею частью справедливой – исцеления. С восходом солнца толпы стоят у целительных источников со своими стаканами. Дамы с грациозным движением опускают на беленьком снурочке свой стакан в колодец, казак с нагайкой через плечо... бросает свой стакан в теплую вонючую воду и потом, залпом выпив какую-нибудь десятую порцию, морщится... Лермонтов был душою общества и делал сильное впечатление... Стали давать танцевальные вечера, устраивали пикники, кавалькады, прогулки в горы. Лермонтов необыкновенно много танцевал, да и все общество было как-то особенно настроено к веселью» [10, с. 394–396].

Н. Ф. Туровский, петербургский чиновник, впоследствии ставший директором Липецких минеральных вод, в 1841 году совершает служебную поездку по Северному Кавказу и Крыму. Он обучался с Лермонтовым в Московском университетском пансионе, в одно время находился с ним в Пятигорске. Его «Дневник поездки по России в 1841 году» содержит примечательные сведения о подходах к оздоровлению и лечению лиц, прибывавших в Пятигорск. «Между пяти гор – Бештау, Машука, Змеиной, Лысой и Железной – лежит небольшой, красивенький городок Пятигорск. Вот утренняя картина: по разным направлениям в экипажах, верхом, пешком (оздоравливающиеся. – С. А.) тянутся к источникам. Эти часы самые тяжелые; каждый обязан проглотить по несколько больших

стаканов гадкой теплой воды, до десяти и более: такова непрерывная метода здешних медиков. Около полудня все расходятся: кто в ванны, кто домой, где каждого ожидает стакан кофе и булка; обед должен следовать скоро и состоять из тарелки каши на воде и двух яиц всмятку со шпинатом. В пять часов вечера опять все по своим местам – у колодцев со стаканами в руках. С семи до девяти часов чопорно прохаживаются по бульвару под звук музыки полковой; тем должен заключиться день для больных. Вид отсюда в ясную погоду очаровательный, единственный в природе. Лучшая для меня прогулка была за восемнадцать верст в Железноводск; самое название говорит, что там железные ключи; их много, но самый сильный и употребительный № 8, который вместе с другими бьет в диком лесу; между ними идет длинная, прорубленная аллея. Здесь-то в знойный день – истинное наслаждение: чистый ароматический воздух, и ни луча солнечного. Есть несколько источников и на открытом месте, где выстроены казенные домики и вольные для приезжающих. Сколько жизни и свежести в природе. Как нежна, усладительна для глаз эта густая зелень, которую, как зеленым бархатом, покрыты горы» [10, с. 440–441].

Таким образом, основываясь на мемуарах современников М. Ю. Лермонтова, следует отметить, что поэт был физически развитым человеком, владевшим широким арсеналом двигательных умений и навыков в верховой езде, джигитовке, фехтовании, силовых единоборствах.

Использованная литература:

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Наука, 1986.
2. Арнольд Ю. К. Воспоминания. М.: Тип. Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1892. Вып. 1.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. II.
4. Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов: биография, 1814–1832. М.: Гослитиздат, 1945. Т. 1.
5. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987.
6. Давидовский П. Генезис «Песни о купце Калашникове» Лермонтова // Филологические записки. 1913. № 5.

7. Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика // Библиотека для чтения. 1852. № 1. С. 119–120.
8. Елец Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1.
9. К. Х. Мамацев // Литературная Грузия. 1974. № 10. С. 83.
10. Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер. М.: Художественная литература, 1989.
11. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. Л.: Наука, 1981. Т. 4.
12. Лермонтов М. Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова // Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1838. № 18. С. 344–347.
13. Литературное наследие: М. Ю. Лермонтов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. Т. 43–44. Ч. 1.
14. Магденко П. И. Воспоминания // Русская старина. 1879. № 3. С. 525–530.
15. Мануйлов В. А. Константин Христофорович Мамацев: Воспоминания // Труды Ленинградского библиотечного института. 1957. Т. 2. С. 241–249.
16. Мартъянов П. К. Поэт М. Ю. Лермонтов по запискам и рассказам современников // Всемирный труд. 1870. № 10.
17. Михайлов М. Л. Заметка о Лермонтове // Современник. 1861. № 2. Отд. 2.
18. Назарова Л. Н. Однополчанин М. Ю. Лермонтова // Литературная Осетия. 1977. № 49. С. 104–106.
19. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1970. Т. 9.
20. Troubetzkoy N. S. Les activités militaires M. Lermontov dans le Caucase // Le Passé militaire. 1973. № 124 (Septembre). Pp. 28–30.

MIKHAIL LERMONTOV IN REMINISCENCES OF HIS CONTEMPORARIES: PHYSICAL AND MILITARY TRAINING

ALEXANDROV, Spartak – Cand. Sc. (Theory and Technique of Physical Training, Sports Training and Physical Culture), Assos. Prof., Department of Humanities and Physical Education, Krasnodar Cooperative Institute (Branch), Russian University of Cooperation, Krasnodar, Russia.
E-mail: *spartak-2010@mail.ru*

On the threshold of Mikhail Lermontov's jubilee, the scientific society is showing much interest in different sides of his life, activity and creative heritage. Our research is dedicated to Lermontov's physical education in the family, his physical and military training at school, and perfection of his fighting trim in the course of hostilities. The reminiscences of the poet's contemporaries are important for the purpose of impartial evaluation of the given issue.

Keywords: M. Lermontov, contemporaries memoirs, physical culture, military training, physical faculties, outward appearance, fist-cuffs, games, riding, horse race, fancy riding, fencing, dancing, hunting, mineral waters, spa treatment.

References:

1. Annenkov, P. V. *Literaturnye vospominaniya* (Literary Memoires). Moscow: Nauka, 1986.
2. Arnold, Yu. K. *Vospominaniya* (Memoires), Vol. 1. Moscow: A. A. Levenson, 1892.
3. Belinskiy, V. G. *Polnoe sobranie sochineniy* (The Complete Works), 13 vols., Vol. 2. Moscow: Akad. nauk SSSR, 1954.
4. Brodskiy, N. L. *M. Yu. Lermontov: Biografiya, 1814–1832* (Mikhail Yu. Lermontov: Biography, 1814–1832), Vol. 1. Moscow: Goslitizdat, 1945.
5. Viskovaty, P. A. *Mikhail Yurevich Lermontov: zhizn i tvorchestvo* (Mikhail Yu. Lermontov: Life and Creativity). Moscow: Sovremennik, 1987.
6. Davidovskiy, P. Genesis "Pesni o kuptse Kalashnikove" Lermontova (Genesis of "The Song of Merchant Kalashnikov" by Lermontov), *Filologicheskie zapiski*, 1913, no. 5.
7. Druzhinin, A. V. Pisma inogorodnego podpischika (Letters of Non-resident Subscriber), *Biblioteka dlya chteniya*, 1852, no. 1, pp. 119–120.
8. Elets, Yu. *Istoriya Leyb-Gvardii Grodnenskogo gusarskogo polka*, Vol. 1. St. Petersburg: V. S. Balashov, 1890.
9. K. Kh. Mamatsev. *Literaturnaya Gruziya*, 1974, no. 10, p. 83.
10. *Lermontov M. Yu. V vospominaniyakh sovremennikov* (Mikhail Yu. Lermontov in Memoires Of the Contemporaries), Gillelson, M. and Miller, O., Eds., Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
11. Lermontov, M. Yu., *Sobranie sochinenij v chetyreh tomah* (Works in Four Volumes), 4 vols., Vol. 4. Leningrad: Nauka, 1981.
12. Lermontov, M. Yu. Pesnya pro tsarya Ivana Vasilyevicha, molodogo oprichnika i udalogo kuptsa Kalashnikova (Song about Tsar Ivan Vasilyevich, the Swashbuckling Young Guardsmen And Merchant Kalashnikov), *Literaturnye pribavleniya k Russkomu invalidu*, 1838, no. 18, pp. 344–347.
13. *Literaturnoe Nasledie: Mikhail Yu. Lermontov* (Literary Heritage: Mikhail Yu. Lermontov), Vol. 43–44, Part 1. Moscow: Akad. nauk SSSR, 1941.

14. Magdenko, P. I., *Vospominaniya* (Memoires). *Russkaya starina*, 1879, no. 3, pp. 525–530.
15. Manuylov, V. A. Konstantin Khristoforovich Mamatsev: vospominaniya (Konstantin Kh. Mamatsev: Memoires). *Trudy Leningradskogo bibliotchnogo instituta*, 1957, Vol. 2, pp. 241–249.
16. Martiyanov, P. K. Poet M. Yu. Lermontov po zapiskam i rasskazam sovremennikov (Poet Mikhail Yu. Lermontov according to notes and narratives of the contemporaries). *Vsemirnyy trud*, 1870, no. 10.
17. Mikhaylov, M. L. Zametka o Lermontove (Memorial about Lermontov). *Sovremennik*, 1861, no. 2, part 1.
18. Nazarova, L. N. Odnopolchanin M. Yu. Lermontova (The Brother-soldier of Mikhail Lermontov). *Literaturnaya Osetiya*, 1977, no. 49, pp. 104–106.
19. Saltykov-Shchedrin, M. E. *Sobranie sochineniy* (Selected Works), Vol. 9. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1970.
20. Troubetzkoy, N. S. Les Activités Militaires M. Lermontov Dans Le Caucase *Le Passé militaire*, 1973, no. 124 (Septembre), pp. 28–30.

В. В. Жилинка¹

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ГРУЗИИ: ИЗ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В статье представлено краткое историко-биографическое исследование малоизученного периода пребывания М. Лермонтова в Грузии. Сближение поэта с представителями грузинской литературно-общественной жизни рассматривается как значимая часть взаимообогащающегося диалога русской и грузинской культур.

Ключевые слова: биография, грузинский период творчества М. Лермонтова, культурная коммуникация, А. Чавчавадзе, М. Орбелиани, Н. Бараташвили, П. Ахвердова, письма.

Исторических документов о пребывании М. Лермонтова в Грузии практически не существует. Из бумажных источников того периода сохранилось лишь единственное письмо поэта другу С. Раевскому, написанное в конце 1837 года; остальная переписка затерялась бесследно.

¹ *ЖИЛИНКА Владислава Вячеславовна* – соискатель кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: aori_morino@mail.ru.